

Горбачев Михаил Сергеевич

— Знакомы ли вы с Горбачевым?
— Близко. Более того, имел счастье недавно, 13 ноября, иметь с ним часовую беседу один на один. И я очень рад, что смог обменяться с ним своими взглядами на политическую ситуацию в стране.
— Он разбирался, по-вашему, в том, что вы делаете на эстраде, в музыке вообще?

— То, что он человек тонкий, несомненно. Несмотря на его неправильные ударения, что я оправдываю. Я, например, сам себя люблю на том (хотя профессионал, учился культуре речи и актерскому мастерству), что произношу некоторые слова с украинским акцентом. По-моему, Горбачев — это первый руководитель, который не увлекается охотой и спортом. И редко употребляет такой близкий язык для руководителя, как мат.

— Коротик сказал, что употребляет.
— Да, мне тоже говорили. Может, в последние годы? В крайне возбужденном состоянии? Походы Горбачев не бросается этим. Вот, например, такая деталь. Во Дворце съездов на съезде. Подходит ко мне Михаил Сергеевич (я в это время стоял с Раисой Максимовной) и говорит мне: «Слушай, я сейчас смотрел на тебя и думал — с какого года я тебя помню?» И вспомнил, кстати. Помнишь, говорит, ты еще с каким-то парнем пел песню: «На то нам юность дана».

— А Раиса Максимовна — тоже ваша поклонница?

— Во всяком случае, она мне на предыдущем съезде (когда избирали президента) сказала, что очень сожалеет, что такие люди, как я, вовлечены в политику и это отнимает так много времени, и из-за этого она стала реже видеть и слышать меня.

— Вы ей, Иосиф Давыдович, не нравитесь как политический деятель?

— Она этого не говорила. Так же как не говорил об этом Горбачев. Был такой смешной случай, когда я хотел что-то сказать от имени нашего цеха. Практически не было никого, кроме Лихачева, Быкова, Евтушенко. И Евтушенко в основном говорил не об искусстве, а о политике. Практически, повторю, не было разговора на съезде о культуре. И когда я обратился с этим вопросом к Горбачеву, он мне сказал: «Слушай, ну ты же нормальный человек». Я говорю: ну и что? «Я слушаю все время выступления ненормальных. Ну дай им выговориться». И вот в последнюю встречу я напомнил: «Михаил Сергеевич, я с I съезда вам говорил, что грядет беда не экономическая, а духовная. В конце концов можно будет накормить человека. Но кормить будем уже дикарей. Людей, потерявших духовное начало. Потому что в более тяжелое время, военное и послевоенное, когда был голод, мор, — культура как-то спасала людей. А сейчас при такой возможности эфирного звучания все перешло на консервное потребление. Только старшее поколение посещает своих кумиров».

Несостоявшийся концерт в Форосе

— Вас никогда не приглашали (как того же Высоцкого) на частные концерты, на дачу?
— Никогда.
— Почему?
— Им неинтересно. Клюквы не было в моем творчестве.
— А Горбачев разве не приглашал?
— Я никому не рассказывал. Сейчас расскажу. Накануне путча, 18 августа, на концерте у меня был адмирал, командующий флотом.
— А где был концерт?
— В Ялте.
— То есть вы в те дни были рядом с Горбачевым? По соседству?
— Рядом. Более того, у меня был назначен концерт для него.
— На той самой даче?
— Да. Еще до 18 августа после концерта устроили такой небольшой фуршетик в мою честь. И мне предложили: «Иосиф Давыдович, вот 22-го возвращается после подписания Союзного договора Михаил Сергеевич. Не откажетесь поехать, пообщаться?» Я говорю: «С удовольствием».
— Но вернемся к адмиралу.
— Адмирал, уходя после концерта, сказал: «Смотри завтра утром новости». Не объясняя, в чем дело. И я с тревогой включил утром телевизор.
— То есть вы знали о готовящемся перевороте? В отличие от находящегося по соседству Горбачева?
— Да, знал, что нечто произойдет. Уже

18-го вечером знал. Утром я посмотрел. Неля стала плакать. Мы никуда уже, конечно, не пошли. Ни на какой пляж. Я стал безотрывно смотреть телевизор. И вдруг! — с укасом увидел себя. Ветхован, балет, Спиаков, а потом — Кобзон. Естественно, с гражданскими песнями. Я позвонил тут же в приемную Кравченко (я с ним был хорошо знаком еще по газете «Труд»). Мне сказали, что его нет и не будет. И тогда я позвонил зампреду Лазуткину. Меня с ним соединили. Я ему сказал: «Валентин, у меня большая просьба — снять меня с эфира». Он спрашивает: «Почему? Не можем же мы сейчас поназывать ансамбли или рок-группы».
— Это ваши проблемы, — отвечаю я, — но меня не втягивайте в эти политические игры. Если вы этого не делаете, я официально обращусь в прессу. И сделаю заявление». И после перевода он мне заметил на-то: «Ну ты угадал». Я гово-

Гнесиных. Где теперь я руковожу кафедрой эстрадных вокалистов. Еще студентом я начал работать в авторских встречах. Первым моим композитором был Аркадий Островский. В 1962 году я уже начал самостоятельные сольные выступления. К тому времени уже появились «Голубые огоньки» на телевидении.
— Кем ваши предки были?
— Ну, мама родилась в еврейской местечке на Украине в Каменец-Подольской области. Она работала батрачкой. Мне не досталось никакого наследства (к сожалению), которое я оставил своим детям. Сколько у меня детей? Двое: сын и дочь. Сыну — 18, дочери — 15. Дочь учится в десятом классе. Десятый она отучилась в Калифорнии. А сын и сейчас находится в Голливуде. Занимается там музыкальным институтом. Он ударник, барабанщик. Полная моя противоположность, он популярнее, чем я. Я принимал участие,

те люди, с которыми я общался на стройках в Сибири, на Дальнем Востоке.
— Вы, наверно, общались и с комсомольскими лидерами?
— На фестивалях. Близких друзей у меня среди них не было, но знал всех. И общался со многими из них. Но не домами и не семьями. Наверное, единственный человек, с которым я сохранил более близкие отношения, это Борис Пастухов. Сейчас он посол в Афганистане. Я люблю этого человека и горжусь дружбой с ним.
— С какого момента вас признали официальным певцом? Вы ведь вели концерты в Кремлевском Дворце съездов.
— Я не вел. Я принимал участие.

Гагарин, и Титов, и Валя Терешкова. Я с ними со всеми дружил.
— А почему вы поссорились?
— Произошел неприятный такой случай, связанный с Евтушенко, который был тогда опальным после знаменитой выставки в Манеже и интервью во французской газете. Евгений был запрещен. И вот однажды Евтушенко сказал мне, что пишет поэму «Вратоная ГЭС». И, зная мою дружбу с космонавтами, просил меня дать возможность пообщаться с ними непосредственно. Я обратился к Гагарину. Тот сказал: «Пусть, Женя очень нервный человек. И он, готовясь к выступлению, за кулисами ходил. Из зала заметили. И кто-то из представителей ЦК обратился к Гагарину: «Почему Евтушенко здесь? Он что, выступать будет?» — «Да, мы его пригласили». — «Не надо этого...» Гагарин передал за кулисы, чтобы я сообщил Евтушенко, что выступле-

еще появились надбавки — за мастерство. Все эти надбавки определялись квалификационной комиссией Министерства культуры: 25, 50 или самая высшая — 75 процентов. Официально, если я буду выступать во Дворце съездов, я получу свою ставку 27 руб. и 75 процентов за мастерство. Так же получает Елена Образцова. Это высшая камерная ставка для вокалистов. В остальных концертах я получаю договорную ставку.
— Когда вы в последний раз выступали в Кремле?
— Последний торжественный концерт там был на Съезде профсоюзов.
— А почему сейчас там не бывает концертов?
— Я вам вопросом на вопрос: а почему не встают при появлении президента?
— ?
— Никогда. Поверьте мне. Первый раз (по прошествии многих лет) Горбачева встретили аплодисментами после его приезда из Крыма. В первый и в последний раз.
— Ельцина, по-моему, как-то приветствуют, нет?
— Нет. При появлении Ельцина тоже нет аплодисментов.
— А вы с Борисом Николаевичем знакомы?
— Знаком. Помните первое его публичное выступление второго ноября, на пленуме, когда он впервые высказал недовольство ходом перестройки? А 7 ноября на Советской площади было народное гулянье. Я выступаю. Ко мне подошел в окружении своих коллег Ельцин. И я попросил, чтобы народ поприветствовал Бориса Николаевича. Он был очень растроган. Зашел ко мне за кулисы, поблагодарил за поддержку. Более того, в этот же вечер был прием в Кремле. По случаю годовщины. И на банкете Ельцин уже был локализован. Не толпился вокруг него народ. После выступления я спустился вниз, подошел к Борису Николаевичу и пожелал ему мужества. Сказал, что если понадобится мое участие, я всегда готов быть рядом.
— То есть вы сделали верный политический выбор...
— Не в этом дело. Сейчас путают Кобзона-артиста с его поугами в политике. Скажем, та же Алла Борисовна. Которая в одном телеинтервью на вопрос, как она относится к тому, что многие артисты сейчас занимаются политикой, сказала: «Ну Кобзон пусть там посит, а я еще попою». Вот я с тех пор пою, а она почему-то крайне редко выходит на сцену. (Я, конечно, не хочу с женщиной выяснять отношения, это было бы бестактно.)

ТОТ САМЫЙ КОБЗОН

Фото Александра АСТАФЬЕВА.

Иосиф Кобзон, певец, депутат, которого знает наверняка каждый. Бесспорно, этот «кремлевский певец» являет собой Персонаж. А это от Бога.

«Не расстанусь с комсомолом»

— Может, станет столь же известным, как и отец. Кстати, с какого момента вы почувствовали себя популярным? Когда это пришло?
— Жанр, в котором я работал, не мог быть массово популярным. Я работал над гражданской темой. Ее часто путают с политической. Гражданская тема, патриотическая тема — та, которая воспевает народ, его подвиги, родину. Правда, предвижу ваш вопрос: а песни Пахмутовой, например, «Не расстанусь с комсомолом» или «А Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди»? Мое поколение с удовольствием пело такие песни, как «Широк страна моя родная» (называлась «Песня о Родине»). Мы верили, что мы хозяева этой страны. А комсомол для меня — это

ние нежелательно. Я ответил: «У меня язык не повернется». И тогда там какой-то майор подошел к поэту и сказал. Евтушенко был взбешен. Уехал. Я дождался конца этого вечера и, когда все перешло к столу, сказал Гагарину, что это не по-мужски. Что он как-никак свободен от конъюнктуры. Юрий отрезал: «Если ты так недоволен нами, можешь к нам больше не приезжать». Отношения потом восстановились, но уже такой искренности не было. Хотя, безусловно, я, как и все, остро переживал его гибель. Потому что Первый есть Первый. Живая легенда была, и потерять ее было очень жаль.

Кремлевские дела

— Вы знали лично первых людей страны. Кто из них приходил к вам, благодарил?
— Я вспоминаю Хрущева. Никита Сергеевич был общителен. Мы гордились тем, что он знает нас. Жал нам руки, улыбался, звал по имени. Я приходил домой и говорил жене: «Мне сейчас жал руки сам Никита Сергеевич». Для меня это были радостные минуты.
— Насколько знаю, Андропов вообще не мог терпеть эстраду?
— Неправда. Я думаю, что к имени Андропова наше общество еще вернется. Политики Андропова сейчас очень не хватает.

— Вы имеете в виду жестокость?
— Разумность.
— Вы с ним общались? Ходил он на концерты?
— В обиходе он всегда был. А будучи генсеком, он не приходил. По болезни.
— Ваша фамилия стала нарицательной. Я сам в одном из материалов использовал выступление «киношника» Демина, где он что-то говорил про наследие Высоцкого: «...невзвешивая на магистральное направление всевозможных кобзонов».
— Это я считаю комплиментом. Вы понимаете, в чем дело. Я всегда думал о слове, а не о музыке. У меня никогда не было такого репертуара, который предполагал дополнительное сценическое оформление. Не было такого репертуара, где мне нужно было прыгать, бегать и т. д.
— Вы когда-нибудь пели без микрофона?

— Никогда. Я всегда пользуюсь микрофоном и считаю это необходимым.
— Вы говорили, что артист становится профессиональным, когда начинает зарабатывать.
— Не становится, а считается. Это две большие разницы.
— Кремлевские концерты были за деньги? Как это все оформлялось?
— Нам всегда платили нашу ставку. Квалификация у каждого артиста была. До коммерциализации была ставка.
— А как?
— Вот у меня, например, была высшая эстрадная ставка — 19 рублей.
— Независимо от числа песен?
— В концерте обычно 3—4. За отделение все получали полторы ставки. То, что на Западе называется рацитал.
— А сейчас, если выступите в Кремле, вы тоже получите 19 рублей?

— Нет, сейчас у меня другая ставка. Я стал квалифицироваться как камерный исполнитель. Получаю уже 27 рублей. Ну,

О дружбе и богатстве

— Вы только «Мальборо» курите?
— И курю уже примерно двадцать лет. Несмотря ни на что — только «Мальборо».
— Вы себя считаете богатым человеком? О вас (так же, как о вашем друге Илье Глазунове) ходят слухи, что вы очень богаты.
— Я себя считаю не таким богатым (как по слухам). Но по советским понятиям — очень богатым.
— Однажды я давал интервью в Америке. Был вопрос: почему я не уезжаю? Я говорил: «А чем вы меня можете соблазнить? Машина? Есть. Квартира? У меня никогда не было ни одного метра государственной».
— А какая у вас машина?
— У меня служебная — «Мерседес».
— Черный?
— Нет, серый. Жена ездит на «Волге». Дача у меня есть, притом дача огромная.
— Где?
— Недалеко от Переделкина. Гектар целый. (Эта дача когда-то принадлежала маршалу Рыбалко, потом академику Лопухину, а потом, в 1978 году, я ее купил. Правда, потом 3 года отдавал долги — ну это неважно. В то время она стоила очень дорого — 70 тысяч.) И так, у меня вилла. Огромная квартира (5-комнатная) на Смоленской, в центре. Я обеспечен, у меня все есть. Я вываю за рубежом часть. Вы, говорю, конечно, можете меня соблазнить, сказав, что здесь у меня будет две виллы, четыре машины, две квартиры и т. д. Но вы не привезете сюда мою публику. А положение в обществе? Здесь на улице мне улыбаются, открывают двери, жмут руки. Я могу сегодня сесть за стол с министром, а завтра — с рабочим. И потом — я очень связан со своими братьями. Три брата в Днепропетровске и один брат в Пушкине (в Подмоскowie). Все работают на заводах. Я не могу их предать. У меня здесь друзья. Какой может быть отъезд?..
Евгений ДОДОЛЕВ.